

перекликается с тем же неприступным и невидимым градом Чевенгуром А. Платонова.

Итак, рассмотрев все варианты, можно прийти к следующему выводу: название «Чевенгур» у А. Платонова — авторская аббревиатура, звуковая оболочка которой сформировалась, с одной стороны, под влиянием местных географических названий и, с другой — под влиянием революционного распространения новых слов-аббревиатур. Думается, что за этой аббревиатурой скрывается мощная порция авторской иронии. И уж, конечно же, ни к Петербургу, ни к вымышленным М. Ю. Михеевым и А. А. Дырдиным этимонам платоновское название «Чевенгур» не имеет абсолютно никакого отношения.

¹ Михеев М. Ю. Че[в]-вен[г]-гур[т]. О смысле названия романа А. Платонова. Этимологический этюд // Русская словесность. 2001. № 7. С. 63—68.

² Дырдин А. А. Потаенный мыслитель. Ульяновск, 2000. С. 56.

³ Дырдин А. А. Русская философская проза после 1917 года: А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (символика мысли): Автореф. дис..... д-ра филол. наук. Саратов, 2002. С. 18.

⁴ Замятин Д. Н. Империя пространства: Географические образы в романе А. П. Платонова «Чевенгур» // Филологические науки. 2001. № 1. С. 14—23.

⁵ Корниенко Н. В. Примечания // А. П. Платонов. Записные книжки: Материалы к биографии. М., 2000. С. 309.

⁶ Толстая-Сегал Е. Литературный материал в прозе А. Платонова // Возьми на радость. Amsterdam, 1980. С. 195.

⁷ Ласунский О. Г. Житель родного города: Воронежские годы Андрея Платонова. Воронеж, 1999. С. 247. ^{7а} С. 247.

⁸ Алейников О. Ю. На подступах к «Чевенгуру»: (Об одном из возможных источников названия) // Филологические записки. Воронеж, 1999. Вып. 13. С. 182.

⁹ Цветаева М. И. Неизданное. М., 1997. С. 71.

¹⁰ Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. М., 1986. Т. 8. С. 256—257; ^{10а} С. 514.

Г. Ф. Ковалев

В поисках утраченного единства...

Борисова Н. В. Жизнь мифа в творчестве М. М. Пришвина: Монография. Елец: ЕГУ им. Бунина, 2001.

В традиционном литературоведении достаточно прочно утвердилась мысль о Пришвине как о писателе-реалисте, умевшем сочетать в своем творчестве естественнонаучную мысль и народную сказку. Его обширные познания в области этнографии,

фенологии, ботаники, зоологии, агрономии, истории, метеорологии, фольклора, географии и других наук органически вошли в его писательскую биографию. Однако Пришвин-художник не может быть объяснен механическим сложением разных знаний, истин. В его произведениях неизменно ощущается глубинный, собственно пришвинский смысл, превращающий его в художника-философа.

Монография Н. В. Борисовой по-новому открывает Пришвина, дает понимание самой сути той «тайны мира», в поисках которой он прожил свою жизнь. Само название работы «Жизнь мифа в творчестве М. М. Пришвина» обращает наше внимание на истоки его творчества, на «жизнь», некую самостоятельную, метатекстовую реальность, в которой сосуществуют реалии русских сказок, природные явления и глубокие философские идеи. Не случайно Н. В. Борисова отмечает особую значимость для Пришвина мифологемы «путь», которая реализуется не только в его произведениях, но и в его жизни, чему свидетельством являются уникальные дневники писателя.

«Жизнь М. Пришвина — это путь в царство природных стихий, это путь «вечного возвращения» к себе самому, ибо, только познав себя, мы можем взглянуть в лицо жизни» (с. 5), — отмечает Н. В. Борисова в начале своего исследования. Пришвин предстает перед нами в свете идей серебряного века, продолжающим поиски Прекрасной Дамы, Вечной Женственности в русской сказочной Марье Моревне, так или иначе проходящей через все произведения писателя. Художественное мышление Пришвина, его поиски тайны слова выходят в монографии на первый план. Ее автор очень точно определяет художественный мир Пришвина как «замкнутое символическое поле, где синкретично время и пространство, причина и следствие, где сама реальность превращается в некий всеобъемлющий символ, в единую гигантскую метафору» (с. 7). Такое понимание очень созвучно идеям серебряного века и отчасти объясняется тем, что центральной и определяющей темой в художественном сознании писателя была идея Всеединства, и его мифопоэтический, глубоко символический мир также стремится к единству, к общей, единой метафоре, к некому образному синтезу мифологического, научно-естественного и художественного познания.

Н. В. Борисова выделяет мифологичность как основное направление в творчестве художника, именно миф, по ее мнению, является ключом к тайне мира и к тайне пришвинского слова в первую очередь. Писателю через миф открывается то, что невозможно понять только рационально-логически.

Идея Всеединства присутствует и в мифологическом сознании, и в философии, и в научной концепции о биосфере и ноосфере, и, таким образом, можно говорить о том, что в творчестве Пришвина сходятся и сливаются в одно целое мифологичность, сказочность, интуитивное, почти бессознательное прозрение, с одной стороны, и рациональное, научное мышление — с другой. Например, Вернадский в своих трудах обосновывает переход от биосферы к ноосфере, указывая на энергию разума человека, представляющую собой «новую форму власти живого организма над биосферой» (*Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. М., 1989. С. 46) и дающую возможность человеку «целиком переработать всю окружающую природу», переработать — в смысле преобразить и одухотворить. Такой перерабатывающей силой является прежде всего **мысль** человека, и Пришвин, как показывает в работе Н. В. Борисова, отражает эту идею, уделяя большое внимание мышлению своих героев, процессу осознания себя. Автор говорит о процессе «мыслеграфии», указывая на то, что «сердечная мысль» у Пришвина не просто изменяет человека, но «спасает его, приобщая через великое преображение мира к Вечности» (с. 41).

В исследовании подчеркивается нравственный, творческий, устремленный к Высшему характер мысли писателя и его героев. Человек как существо, наделенное разумом и волей, действует в мире с самого своего появления как творец и преобразователь, как вольный или невольный зодчий «сферы разума». Н. В. Борисова обращает внимание прежде всего на то, что это преобразование связано, в первую очередь, с восхождением духа к Свету, называет героя-повествователя Пришвина «духовным странником» (с. 127), настроенным на созерцание своего внутреннего мира.

В целом можно отметить, что Н. В. Борисова раскрывает в своей работе саму суть устремлений и поисков Пришвина-философа и Пришвина-мифолога. Она пишет: «Поиски первоначал, как и поиски духовной свободы, смысла жизни, вечности в ускользающих мгновениях, эти многочисленные пути-дороги, лесные тропинки, по которым шагают его богомольцы, мужики, полесники, формируют сквозную мифологему «путь», что предопределяет рождение образа «очарованного странника», ищущего некий сакральный центр или сакральную истину, которые, являясь величиной переменной, функционально едины» (с. 67). Автор показывает путеводные вехи, по которым шел сам Пришвин и его герои — это поиски мировой души, Красоты,

преобразующей хаос, и совершенная любовь, которая «как сила соединяющая, создающая и скрепляющая целостный мир, выступает в качестве внутреннего принципа пришвинской поэтики» (с. 28).

Определяя ведущее начало в творчестве Пришвина, Н. В. Борисова пишет: «Главный миф Пришвина — это рассказ о единстве органического и неорганического, видимого и невидимого, неба и земли, мгновения и вечности, сознания и бессознательного, красоты и правды, любви земной и небесной. Это повествование о самосотворении человека, в творчестве обретающего себя в новом духовном качестве» (с. 4).

Исследуя миф Пришвина, автор посвящает отдельную главу функции бинарных оппозиций, очень важных для понимания мифологического мировоззрения в целом и мифотворчества Пришвина в частности. На полярности мироустройства основана вся мифология, начиная с древнейших времен, и противопоставления имеют огромное значение для понимания особого знакового языка писателя. Н. В. Борисова выделяет несколько основных, ключевых оппозиций у Пришвина (с. 102), несущих смыслообразующую функцию: *сакральное — профанное*, где сакральное связано с гармонией и единством, а профанное — с хаосом; *небесное — земное*, символизирующее некий верх, светоносный и объединяющий, и низ, «рассматриваемый уже как нечто, находящееся под землей» (с. 102); *земное время и вечность*. Последней оппозиции и пространственно-временным отношениям в пришвинской прозе Н. В. Борисова уделяет особое внимание, углубляя и разворачивая ее значение — *время циклическое и время линейное*, разделяет время счастья, радости жизни («весна света») и время отчуждения и оцепенения (осень, зима), рассматривает время мифологическое и время историческое. Следует отметить, что автор монографии обращает внимание на противопоставления не в связи с их разъединяющим, а скорее в связи с их объединяющим значением: «Мир полярен и един, и бинарные оппозиции не только скрепляют динамическое единство, но и создают мощные импульсы взаимного притяжения разных по тематике, но единых по мифологическому звучанию произведений» (с. 106).

При перечислении антиномий в работе Н. В. Борисовой основным смыслообъединяющим, проходящим так или иначе через все произведения мотивом является поиск автором и его героями гармонии в единстве со всем сущим и внутренней свободы, Истины Бога и Красоты.

В настоящее время ученые различных отраслей знания обращаются к идее синтеза, единства всего сущего как космического явления. Возрос интерес к идеям начала века, к трудам В. И. Вернадского, К. Э. Циолковского. В этой связи данная монография очень своевременна, так как идеи космизма были близки Пришвину, космическому мировоззрению отводится особое место в его творчестве: «Он начинает осознавать, что космос является центром культурно-исторического самоопределения человека, с радостью обнаруживая научные подтверждения своим догадкам... Он слышит космическое дыхание, чувствует его ритмику, соприкасаясь с «иными временами», «иными сроками», приближается к «чувству цельности человеческой жизни», к загадке творчества» (с. 23).

Е. Ю. Коротина

Орехова Н. Н. Пунктуация и письмо (на материале русского и английского языка). Ижевск: Издательский дом «Удмурдский университет», 2000. — 216 с.

В практике лингвистических исследований последних лет сформировалось несколько актуальных проблем в изучении русской пунктуации, в частности теория и история пунктуации, сопоставительная пунктуация, пунктуационная норма и ее кодификация, тенденции развития общественной пунктуационной практики. Тем не менее теоретическое изучение проблем пунктуации все еще недостаточно, что имеет существенные последствия для практических нужд пишущих по-русски. Поэтому новые научные разработки в этой сфере заслуживают особого интереса.

Н. Н. Орехова обратилась к исследованию в высшей степени дискуссионных проблем в теории пунктуации разносистемных языков, сосредоточившись на сравнительно-историческом анализе пунктуационных систем русского и английского языка. Диахроническое изучение текстов автор проводит в широких временных рамках: с XI по XIX в. — для русской пунктуации и с VII по XIX в. — для английской.

Обращает на себя внимание богатство источников для изучения динамики пунктуационных систем русского и английского языка. Это тексты различной стилистической и жанровой принадлежности: художественная проза, публицистика, драматургия, личная переписка, научно-популярные произведения, мемуары, древнерусские и древнеанглийские памятники.